

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадиевич — доктор политических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Финансового университета при Правительстве РФ (125993, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-кт, 49; ag555@mail.ru)

РЕВОЛЮЦИЯ И ГОСУДАРСТВА В XXI ВЕКЕ: БОРЬБА ЗА НРАВСТВЕННЫЙ ИМПЕРАТИВ В ПОЛИТИКЕ И ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Аннотация. Бурная и противоречивая общественно-политическая практика XXI в. обнажает тот факт, что политики, ученые и рядовые граждане самым активным образом ищут ответ на вопрос о том, что такое современные революции, каковы их истоки, чем они отличаются от революционной практики прошлого, к чему могут привести? Очень важно оценить сущностные черты и модели революций именно XXI в., чтобы использовать революционный потенциал для самоочищения и эволюционных изменений, не допуская при этом разрушительного воздействия социальной стихии и скатывания общества в хаос.

Ключевые слова: революция XXI в., нравственность, государство, информационное общество, сетевые сообщества, экспертный глобальный гражданский форум, монополия на истину, фейковое сознание

Начало XXI в. было отмечено большим числом массовых выступлений, бунтов, переворотов и, по ряду признаков, собственно революций в разных частях мира. С той или иной долей допущения «бархатные», «цветные», «розовые» и иные одномоментные революции отгремели в Тунисе и Египте, на Украине и в Грузии, Киргизии и Таиланде...

Чтобы продолжить предметный разговор по данной теме, стоит еще раз вернуться к понятию «революция» (латин. *revolutio* — переворот). Итак, революция — это коренное преобразование в какой-либо области человеческой деятельности. Революция — качественный скачок в развитии; радикальное, коренное, глубокое, качественное изменение общественно-политического строя вне зависимости от того, меняется конкретный политический режим в условиях революции «снизу» или происходят кардинальные сдвиги в обществе в рамках существующего «стояния» власти с помощью революции «сверху».

Вне зависимости от данного контекста рассуждений, это все-таки внештатные изменения, которые могут начаться с конкретного переворота во власти, а закончиться более существенными изменениями всего общественного устройства. И в этом смысле, как говорится, есть у революции начало, но нет у революции конца как такового с тем самым допущением, что этот растянутый во времени процесс может и должен означать и отражать формирование новой парадигмы и фазы развития, равно как, вероятно, и та самая революция, которая приводит в своем разрушающем движении не к позитивным преобразованиям, а к регрессу и откату общества вспять. То есть, артикулируя понимание революции в качестве кардинального изменения действительности, мы должны самым предметным образом анализировать проблемы современных революций и (хотя бы с какой-то степенью допущения) просчитывать ее истоки и последствия.

При этом историческая практика показывает, что в свое новое состояние, вызванное революционными изменениями, люди переносят множество прежних привычек и стремлений. И важно понимать, почему и зачем берется этот опыт предшествующих поколений и делается достоянием настоящего? Что в нем ценного и важного? И в чем, собственно, были главные истоки конкретных революций, например Великой французской революции 1789–1799 гг. — крупнейшей трансформации социальной и политической системы Франции, которая привела к ликвидации старого порядка? При этом, исключая досужие домыслы и при-

вычки в восприятии, несмотря на лозунги революции под девизом: «Свобода, равенство, братство», на поверку оказалось, что французы более стремились к равноправию, чем к свободе, к равенству, чем к личной независимости [Токвиль 2017]. Чем этот подход и смысловой ряд, к примеру, важен для современной России, в которой проблемы социальной справедливости вышли на первый план с точки зрения остроты и революционности переживаемого момента?

Мы должны ответить на вопрос о том, какие сущностные преобразования мы могли бы отнести к действительно великим революциям, делающим великими цивилизациями во имя великого будущего. Где можно было бы увидеть соотношение между великими революциями и динамикой «осевого времени», в котором они сформировались?

В этом смысле «одной из отличительных черт великих цивилизаций является постоянное развитие внутри них альтернативных, соперничающих представлений об отношениях между трансцендентным и мирским порядками» [Эйзенштадт 1999: 23]. Результативные, системные споры, например между «западниками» и «славянофилами», которые были ранее, позволяли артикулировать свою позицию и аргументы, выработать новые подходы, выявлять и снимать радикальное напряжение в обществе и экспертной среде, предлагать власти свое видение будущего. Сейчас ничего этого нет. Вместо этого наблюдается практика инкубирования и взращивания крикливых и пустопорожних дискуссий — без полутонов, на полярных позициях: «патриоты — либералы», «красные — белые» и т.д., отвлекающих внимание обывателя на второстепенные темы. При этом сознание масс «раздваивается» по полюсам, революционизируется вне зависимости от установок политических штабов и управленческих центров принятия решений в формате «свой — чужой». Тем самым теряется смысловая, этическая и нравственная основа диалога, и в конечном итоге наблюдается его купирование рамками формально заданной «сверху» «стерильной» повестки дня. Как мы понимаем, долго в таком закрытом формате процесс осмысления действительности существовать не может, и это приведет к поиску выхода неумной творческой активности. И тут важно не довести ситуацию до того состояния, что придется впопыхах скидывать крышку с бурлящего котла или торопиться открыть «последний клапан», чтобы выпустить пар, готовый взорвать механизмы изнутри.

Глобальный мир становится все более нелинейным и непривычным с точки зрения прошлой удобной и привычной картинки. Наблюдается «переход от мира плотного, структурированного к миру пластичному, текучему, свободному от барьеров и границ». Этот переход ведет за собой глубокие изменения во всех сферах человеческой деятельности. Но не нужно упрощать ситуацию. Надеяться, что снятие оградений приведет к тому, что тебя не «съедят» в одночасье варвары, стоящие по ту сторону «забора», не приходится. Более того, эта вот самая «текучесть» приводит к тому, что в глобальном формате практик одни «климатические мигранты» могут изменить мир до неузнаваемости. А если взять всех перемещающихся от войн, конфликтов, голода и т.д., то мы увидим резко возросшую пропорцию смешения коренных и пришлых народов с трудно прогнозируемыми результатами. При этом эти формирующиеся анклавные территории на новых территориях, эти «гардеробные», «карнавальные сообщества» надевают одежду не ту, которую носят в повседневности, а на выход, ради моды [Бауман 2008: 214-215], мимикрируя под новые обстоятельства или же пытаясь на новой родине обустроить быт по-своему и переделать под свои одежды мировоззрение местного населения. Миграционные волны одна за одной набирают силу. Мигранты начинают менять мир «под себя». Все это ведет к разрушению ядра традиционных местных сообществ и к «растворению» самого локального социума. В 2015 г. в зоне ОЭСР наблюдалось рекордное число соискателей нового

убежища – около 1,65 млн чел. Почти 1,3 млн из них прибыли в европейские страны ОЭСР. Примерно 25% ходатайств приходилось на сирийцев, 16% – на афганцев¹. А тут еще наготове религиозные фанатики, экстремисты и прочие «полчища», готовые изменить для вас и за вас привычный социум до неузнаваемости, исходя из собственного видения будущего. Переписать историю, возвести на пьедестал новых кумиров, заставить присягнуть новым ценностям.

Усложнился мир, и управлять в «ручном режиме», да еще с помощью набора старых клише – значит обречь существующую систему на слом, причем как картонный домик или колосса на глиняных ногах. История со всей очевидностью показывает, что разрушают государства и целые цивилизации не революции как таковые, а загнивание правящих элит. Но как хочется в очередной раз кому-то поверить, что авось на этот раз праздный формат жизни не станет причиной застоя и правящий режим пронесет от потрясений, что все можно законсервировать на время и переждать «бурю» в тиши кабинетов. Именно поэтому партийным, клановым, внутриэлитным интересам все время приносят в жертву ценностные интересы большинства. «Там, где “партийные интересы” не уступают дорогу интересам общественным и национальным, – писал Александр Керенский, – нечего ждать ни цивилизации, ни реального прогресса» [Керенский 2005: 371]. Но «партийные интересы», о которых пишет Керенский, анализируя события 1917 г. в России, можно сегодня трактовать более широко. Это групповые интересы, которые постоянно навязываются всему обществу вне всякой альтернативы и как истина в последней инстанции.

Если мы действительно хотим ответить на вопрос об истоках современных революций и к каким последствиям они могут привести, мы должны самым тщательным образом посмотреть на складывающуюся глобальную и локальную социально-политическую практику, на развивающиеся экономические тренды с точки зрения формирования культурных и образовательных ценностей, на изменения в самой человеческой сущности.

Революция 21.0 – это уже не строительство баррикад на улицах городов, это уже не аналог подготовки штурма Зимнего дворца в России, Бастилии во Франции или казарм Монкада на Кубе. А что тогда? Что принципиально изменилось с точки зрения реализации данного понятия на практике между веком XVIII, XIX, XX и XXI? И вообще с точки зрения более длительного исторического процесса?

По всем канонам развития классического жанра и революции в ее традиционном качестве власть должна быть озабочена именно тем, чтобы народ не вышел на улицы и не устроил антиправительственный Термидор. Современная революция в ее стихийном по факту формировании качестве неожиданного шторма и даже цунами – это некое бедствие, которое власть должна либо предвидеть, либо с неизбежностью принять и заблаговременно защититься.

Современная власть, которая пытается любыми способами продлить свое правление, по определению ждет неминуемого бунта. А народ, как говорят, безмолвствует. Нет, конечно, практика народных волнений никуда не исчезла и проявляет себя периодически в тех или иных сферах. К тому же многие государства и их правовые конструкции предоставляют народу достаточно широкие права на то, чтобы выражать свои требования путем солидарного выступления на улицах в виде демонстраций, митингов и собраний. Но все же, и это нужно особо отметить, XXI в. уже показал существенные отличия новых революций как более «мягких» по характеру, которые если и ставят перед собой задачу сме-

¹ International Migration Outlook 2016: доклад ОЭСР по процессам мировой миграции.

шения конкретного правителя, то при этом не распространяют революционный запал на глобальную перестройку всей общественной жизни. Это так, косметическая корректировка программы действий, смена команды, замена поднадоевшего и постаревшего лидера, все более утрачивающего связь с реальностью. Таким образом, власть традиционно ждет уличного протеста и логичным образом готовится к нему с помощью возможностей государственной машины. Тем временем сам процесс утекает в какие-то другие среды и в некотором роде ставится «невидимым».

В основе прежних крестьянских бунтов, «бессмысленных и беспощадных», все-таки существовал значительный компонент стихийности и непредсказуемости, поэтому он мог ставить на повестку дня разрушение прежних столпов «до основания», а затем уже пытаться разбираться в новой системе координат, куда вывела их революционная практика. И кризис назревал хотя и подспудно, но до момента предельного сжатия пружины, когда «низы» уже не могли жить по-старому, даже если «верхи» еще и могли какое-то время хотеть жить в «старом» социуме.

В 2007 г. ООН официально объявила, что впервые число городского населения превысило сельское. Демографический переворот поставил на повестку дня много новых проблем, на которые нужно было адекватно ответить. Это, конечно, не означало, что движущимися силами возможных революционных проявлений сразу стал представитель городского образа жизни. И все же это знаменовало новый этап в осмыслении и построении революций как таковых. Одно дело — ситуация взрыва и буйства стихии, когда караул мог просто «устать» в одночасье и априори быть способным начать бунт и произвольные действия по захвату власти любой ценой. Другой дело, что с началом доминирования «городского сознания» сам процесс накопления революционных настроений как бы перетек в другой формат качественных измерений. «Городская революция», или, отчасти, восстание среднего класса, — это уже более осознанная череда событий. С одной стороны, она более прогнозируема, потому что экспертное гражданское сообщество начинает заранее обсуждать возможную повестку дня, а не доводит ситуацию до кипения, а потом кидается в пучину страсти, лишь бы поучаствовать в будоражащем воображение процессе кардинальных изменений. С другой стороны, она более опасна для действующей власти, потому что среди такого гражданского сообщества может вырасти лидер новой формации, который будет действовать, не считаясь с сословным принципом передачи власти «по наследству».

Государство в этом случае, как бы оно ни признавалось в «любви» к своим гражданам, традиционно действует в формальном для него режиме запугивания и «прогибания» граждан под «генеральную линию», пытаясь обеспечить себе лояльность на долгие годы несменяемого существования власти. А потом оно же обвиняет граждан в апатии. Наивно думать, что при таком развитии событий в современном бурном процессе изменений, в который все больше погружен конкретный субъект политики, он ответит взаимностью на подобные действия властей и не будет искать «противоядие». Прежняя мотивация личного участия в подготовке вооруженного восстания, поддержке конкретного режима или лидера (революция как власть) сменяется желанием не свергать кого-то с пьедестала, а именно участвовать в строительстве «нового мира» (революция как коренная реформа). И все большее число граждан требуют выдвижения такой позитивной программы действий. В обществе формируется устойчивый спрос на позитивные перемены, реальные ценностные преобразования, а не просто очередные реформы «без начала и конца», «без логики и смысла». И нужно понимать, к каким «гремучим» последствиям могут привести несбывшиеся ожидания и разочарование в связи с потерей надежды на обновление.

«Умные» современные революции тоже непредсказуемы, т.к. растянуты по времени с точки зрения реализации поставленного в ходе кардинальных преобразований результата. Пока происходит движение к определенным целям, меняется поколение, а с ним — и ценностные установки, которые могут вообще отбросить на свалку истории те подходы, которые были инициированы ранее. Одна из стойких современных тенденций — движение к антибюрократической революции, за автономию от властей новых образованных людей.

В чем причина такого изменения формата практик? Безусловно, нужно учитывать кардинальные подвижки, вызванные бурным развитием информационного общества. Подчеркнем особо: не только технологий как таковых, но и связанных с их приходом новых социальных практик. В условиях их все большего доминирования само отрицание существующих порядков, сопротивление проводимым властями кардинальным реформам — это тоже форма «скрытой» революции — в мозгах, «в сердцах». Неприемлемость происходящего, не соответствующего мироощущениям и традициям, — это тоже революция, но «тихая», без выстрела с крейсера «Аврора», не мгновенная, а растянутая во времени. Это, собственно, и показывает революцию как процесс системный и движимый в пространстве и времени. Мы же привыкли воспринимать опыт революционной действительности исключительно как приносящий хаос и сумятицу в существующие порядки.

Такое течение событий оказывается особенно знаковым и характерным явлением современной «революционной» практики, когда предугадать вот такую длительное время готовящуюся не конкретными революционерами в тайном кружке, а вроде бы открыто формирующуюся на глазах у всего сообщества и власти фронду крайне трудно.

Для граждан такой способ социального и общественного творчества — это не только возможность использовать новые технологии в части развития человеческих коммуникаций как таковых и более оперативного оповещения своих сторонников о тех или иных действиях (*Twitter*-революции). Такая «тихая», «ползучая» революция — это отображение того факта, что зачастую гражданам в разных странах законными мирными демократическими способами решить накопившиеся противоречия становится невозможно. Примеров тому современная практика дает немало.

Как это ни парадоксально прозвучит, но на повестке дня, несмотря на такую вроде пеструю историческую ретроспективу, наблюдается усиление спроса на развитие национально-освободительного движения. Против кого? Зачастую гражданам приходится готовиться к схватке сразу на нескольких фронтах: против своего, хотя и национального по формальным признакам, но подчас компрадорского по сути правительства; против транснациональных корпораций и их хищнического отношения к суверенным государствам в целом, а также к жизни граждан в их привычной и традиционной системе личных домохозяйств.

Информационное общество все активнее обнажает ситуацию, делая короля подчас «голым». Государство выступает в роли «священной коровы», на которую предлагают молиться вне критического осмысления ее роли и необходимости существования. И выходит, что современное государство со своими институтами подавления или растворяется в беззаконии и разврате, или же получает новый статус государства развития, государства-цивилизации. В этом случае у граждан появляется четкое осознание того, что государство защищает его личные интересы и есть четкая и недвусмысленная мотивация по его защите.

Но как обеспечить восстановление гражданских прав и свобод в обществе, где все понимают, что государство и конкретные правители, в т.ч. и при срашивании

с бизнес-структурами наднационального характера, имеют перед ними неоспоримое преимущество? На авансцену истории выходит человек действующий, но не на улице, а в своем гражданском сообществе – в информационных сетях, в клубах по интересам. Иными словами, революционный «запал» из броуновского, хаотичного и одномоментного явления постепенно все сильнее перетекает в состояние горизонтального действия. Причем в глобализирующемся мире все сильнее тенденция объединения граждан вне государственных границ. А что же власть? Может ли она предложить какую-то иную альтернативу, нежели усиление и капитальный ремонт существующей «вертикали власти» по своим традиционным лекалам из учебников? Видит ли она эти новые тенденции, которые сформировало и продолжает шлифовать информационное глобальное общество? И тогда 20 лет одного и того же режима при том, что граждане могут достаточно свободно общаться по горизонтали, будет означать радикальную и бескровную революцию сознания масс?

И это уже меняет конструкцию и суть самой традиционной революции, к которой мы все привыкли, когда революцию делают одни, а ее плодами пользуются другие. В данном случае появляется шанс на осознанную революцию развития – не ежеминутно, а именно в рамках одного поколения провести реформы, которые ставятся на повестку дня большинством сообщества. При этом революция как бы входит в эволюционное русло по своему формату и оставляет за собой право на кардинальную смену ценностного и смыслового поля, но в системном и плавном течении. Современная практика – это гибридная революция. А значит, требуется самое пристальное внимание и иное понимание роли и значения государства и его институтов в новых условиях. Не случайно углубляется спор о том, что «государство и церковь не выполняют функцию, состоящую в помощи индивиду развивать и реализовывать провозглашаемые ими ценности» [Фромм 2005: 166].

Ведь сама власть, опираясь на мощные насильственные рычаги государственной машины, порой становится предвестницей и «зачинщицей» новой революции, если не обращает внимания на новые пласты знания и практики в гуще общества.

Глобализация еще больше обостряет тему революции, причем в ее классическом определении для XX в. – как мировой революции, когда крупные идеологические и политические центры в обязательном порядке пытались распространить свое учение повсеместно и сделать его тотальным, призвав под свои знамена всех без исключения землян.

Многие идеологии пали под нажимом времени и обстоятельств. Маятник истории, качавшийся между полюсами, «завис» в одном крайне неопределенном положении.

И вот уже мы можем наблюдать, как при безудержном и непрогнозируемом развитии глобализации как таковой планетарное мышление сошло в неприемимой схватке с мышлением местечковым. Глобальное и локальное сознание стали антиподами друг другу. «Граждане мира» оказались по другую сторону баррикад от жителей национальных государств. Эти события сами по себе становятся предвестниками новых революций и кардинального, революционного изменения сознания.

Люди, получив значительно большие информационные возможности, расширяющие горизонт их знаний и опыта практически до бесконечности, пылливо ищут в этих изменениях свое место и новый статус для реализации собственных возможностей. Именно поэтому вольно или невольно происходит формирование хотя пока и лоскутного по своему формату, но уже имеющего все основания для расширения и оформления гражданского экспертного сетевого сообщества.

Глобальная властная система, окончательно пришедшая к власти в конце XX в., особенно в ее закулисной части, готовится дать сокрушительный отпор и пытается на корню уничтожить эти ростки нового солидарного общества.

Тут же всплывает желание построить очередную монополию: превратить человека творческого в потребительское существо. Это фактически означает «превращение человека в подчиненного деньгам», формирование на веки вечные глобальной денежной цивилизации. Главным помощником в строительстве этой мировой цитадели выступают реально продажные СМИ, для которых современные технологии создали просто фантастические возможности влиять на сознание граждан, понудив верить его в муляжи и суррогаты. «Фундаментальные мысли, стремления, идеи, даже идеи потребления, идеи семьи, ценности жизни производятся внутри этой системы»¹, которая проникает очень глубоко в наш мозг. Но механизм подготовки революции путем обработки умов и формирования общественного мнения, лояльного к идеям коренного изменения общественного строя [Кошен 2004], может встретить внутреннее сопротивление конкретного гражданина и развернуть «корабль истории» в другую сторону.

Рокфеллеры и К° (вместе с российскими нуворишами) — это отдельная «цивилизация», живущая в зазеркалье. Или, наоборот, большинство граждан планеты находятся относительно них в параллельном измерении, в т.ч. с точки зрения ценностных ориентаций.

Мировые правители сосредоточены на том, чтобы купить себе индульгенцию (освобождение от наказания за грехи), а заодно и бессмертие и управлять всем миром или конкретной территорией вне их границ, например, со своей яхты — со своими законами и порядками, вне официальной юрисдикции того социума, где еще недавно, возможно, и рос тот или иной правитель; управлять без учета интересов конкретной территории и не собираясь разделять ответственность за происходящее вместе с обществом. Управление извне, нахождение «над схваткой» — вообще любимое положение сегодняшнего правящего класса.

Конкретная человеческая жизнь политиков данной формации интересует все меньше. Они привыкли оперировать большими числами, *big-data*, за которыми не видно отдельного человека. Вот разве что подобрать гражданам пустопорожние дискуссии о перенаселенности планеты, об изменении климата или возможном падении на Землю астероида, причем без особого объяснения, как, собственно, подобные опасности преодолевать.

Они осуществляют перекройку мира как «тришкина кафтана» — по своим лекалам и меркам, невзирая на то, что многое не влезает в предложенные трафареты. Достаточно взглянуть на современную политическую карту мира, чтобы увидеть, сколько стран стараниями так называемой мировой элиты исчезли в течение XX в.! Граждане, ставшие изгоями на своей родине и разбросанные по всему миру, этого не забыли.

Мировая и по многим признакам мафиозная система сама противопоставила себя гражданам мира. Их голубая мечта — сделать всех негражданами и лишить отечества, чтобы легче было «раскулачить» и окончательно и бесповоротно лишить гражданских прав и голоса. Это стало возможным в эпоху электронных денег и Интернета, который при помощи красивых виртуальных картинок оказывает отупляющее воздействие на массовую аудиторию. Сломить сопротивление отдельных граждан мировая мафия может легко. А вот если идти против всех — тут надо очень сильно поднапрячься, увлечь виртуальными мирами, цинично

¹ Кьева Дж. 2016. Из стенограммы выступления на III пленарной дискуссии Московского экономического форума 2016 «Война и мир: политика и экономика». Москва. МГУ. 24.03.2016. Доступ: http://me-forum.ru/media/news/5566/?sphrase_id=8509 (проверено 20.01.2017).

«отключить» от мира реального и погрузить в мир грез и внутренних переживаний. И она старается вовсю. Именно поэтому сейчас делается попытка все системы современного государственного управления свести к незамысловатой формуле торгово-финансовых отношений «купи – продай». Квазирыночные условия развития бизнеса вошли в плоть и кровь управленческих решений и формирования всего социально-политического пространства. И все меньше здесь места нравственно-этическим поступкам и проявлениям творчества, все больше ростовщических моментов: как обмануть другого ради получения прибыли. В таких условиях фактически ставится крест на развитии системы с точки зрения ее цивилизационного и сущностного начала. Все утекает в пучину денежной страсти, в поток «денежной цивилизации». В условиях монополизации власти в одних и тех же руках монополизирован и бизнес. Поэтому в выигрыше только «свои», приближенные к «телу». Остальные, как говорится, «отдыхают»! Процесс деградации набирает обороты. Система все больше действует как крайне несправедливая, а значит ущербная и нежизнеспособная. Вновь революция оказывается на марше.

Современным крепостным, как и их предкам, оказывается нечего терять, кроме своих «цепей». Современное рабство – не поземельное и сословное, а финансовое. Их связали по рукам и ногам кредитами и ипотеками, посадили народ в долговую яму, чтобы он был как шелковый. И молчал... Идеальная и проверенная веками схема действия власти. Вот и наступает драматическая кульминация, в которой правящая элита многих стран уже не в состоянии понять и принять выбор своих же граждан.

Возникает вопрос о законности той или иной революции, потому что она порой предполагает смену власти правящего класса. Кто может установить законность революции? Как определить целесообразность революции с точки зрения текущей ситуации с учетом того, что они происходят, как правило, спонтанно и непредсказуемо? Политическая целесообразность, рукотворность революции связаны с глупостью и предательством правящих элит, обращающих наработки прежних поколений в прах. А если мы говорим о революции сознания, о революции как процессе, растянутом во времени, к которой уже сложились объективные предпосылки, и иных путей нет, – то революция законна, справедлива и неизбежна [Волк 2016].

За последнее столетие был пройден путь от лозунга «восстания масс» Ортеги-и-Гассета в начале XX в. к «восстанию элит», по утверждению Кристофера Лэша в конце XX столетия. Сейчас наступает новый этап. Налицо «загнивание масс» под руководством собственных и пришлых элит, находящихся в прострации¹, т.к. многим из них оказалось недосуг понять изменяющийся мир. И эта «прострация элит» только набирает обороты. Происходит «окукливание», сжимание элит, концентрация правящими группами основных усилий на сохранении своих личных интересов. И это в условиях, когда не только социальный, но и биологический слой подвергается жесточайшему испытанию на прочность, выживание и дальнейшее воспроизводство! Ноева ковчега ни для кого не будет...

Начинается поистине вселенская битва за возврат нравственного императива в политику, потому что беспочвенная, без корней элита, оторванная от народа, пытается утянуть современный мир в свое прошлое. В 1969 г. советский писатель Иван Ефремов написал: «Все разрушения империй, государств и других

¹ Прострация (от позднелатинского *prostratio* – угнетение, упадок) – резкий упадок психического тонуса в сочетании с предельной истощаемостью, расслабленностью, беспомощностью, снижением или отсутствием реакции на внешние раздражители.

политических организаций происходят через утерю нравственности»¹. По сути дела, власть своими же руками готовит плацдарм для новых революций. Обостряется и ускоряется процесс радикализации сознания за счет того, что усиливается борьба «за место под солнцем» внутри самой элиты, где «борьба всех против всех» становится стеновым элементом конструкции. Как говорится, чека вынута, и рвануть может в любой момент.

Момент истины, который мы переживаем сегодня, обостряется в ситуации бурного развития технологической составляющей. И тут возникает новая масштабная задача — не упустить шанс, чтобы превратить технологическое общество в гуманистическое. Это еще одна революция, победа в которой граждан пока не до конца очевидна.

Призрак механизированного общества, тень общества киборгов бродит среди нас. Один из вариантов выбора — это «полностью механизированное общество, посвящающее себя исключительно материальному производству и потреблению и направляемое компьютерами; и в этом социальном процессе человек сам превращается в часть гигантской машины, хорошо обеспеченную хлебом и зрелищами, но пассивную, неживую и мало способную чувствовать» [Фромм 2005: 23]. То есть, речь идет о механизации и технологизации сознания, киборгизации социального восприятия жизни вместо развития социальных технологий, культурных и ценностных смыслов — как раз всего того, что составляет основу человека как разумного существа.

Говоря об «электронной демократии», нужно признать, что сам по себе *Web* не может стать коллективным разумом человечества, ибо это всего лишь технология, и его смысловой контент нужно определить, выявив его глубинные основания, возможность накапливать и тиражировать не фейковое² сознание, а именно истинные ценности. Тем не менее с точки зрения самих технологических изменений человечество находится на грани смены стадии экономической эволюции стадией непрерывной революции... Раньше был мир прерывистого равновесия, в котором изменения были эпизодическими. Сегодня мы живем в мире, где равновесием и не пахнет. Мы стоим на пороге новой эры — эры перманентной революции. Изменилась природа перемен. В XXI в. изменения прерывисты, внезапны и мятежны.

Интернет становится густой глобальной матрицей, интегральным ресурсом между людьми, их идеями и опытом, а именно число и качество таких связей взаимного обмена информацией всегда определяли темп экономических перемен... До XIX в. сообщества людей были в основном изолированы, и интенсивность инноваций была невелика [Хэмел 2000: 19, 20]. Это то, что касается инноваций в сфере технологического развития. А что происходит в культурной сфере?

Парадоксально, но факт, что революционная составляющая процесса требует к себе иного отношения, а именно постепенности в осмыслении стратегии развития, эволюционной революционности. Как соотносить эти два процесса, которые идут параллельным курсом, но совершенно с разной скоростью и пока — в разные стороны? Ценности культуры и смыслового содержания развития человека как биологического и социального вида должны отвечать на вопрос о том, зачем разумному существу вообще нужен прогресс в новых технологиях.

Мы находимся на излете традиционной эпохи борьбы труда и капитала. Когда-то пролетарии всех стран хотели построить мировой Коминтерн. Не вышло, потому что в его основу была положена утопическая идея всеобщего равенства. Вместо

¹ Ефремов И. Поколения, привыкшие к честному образу жизни, вымрут. Доступ: <https://newsland.com/community/129/content/pokoleniia-privykhie-k-chestnomu-obrazu-zhizni-vymrut/5635292> (проверено 20.01.2017).

² Фейк (англ.) — поддельный, фальшивый.

него, как антипод, появился глобальный финансовый мировой спрут 21.0. Поэтому сегодня нужна революция 21.0. Нет лидера, достойного сложности переживаемой эпохи с ломающимися конструкциями? Но разумное сообщество, объединенное в сети и в реальном пространстве, как в «Сталкере» Андрея Тарковского, может попробовать использовать свой шанс самим взять судьбу в свои руки и вырастить лидера, соответствующего новой эпохе, способного стать моральным авторитетом и сформировать этическую основу социально-политической практики. И не ждать избавления от рабства, теперь финансового и наступающего информационно-манипуляционного, а попытаться овладеть миром с помощью критического и образованного коллективного разума. Именно поэтому люди стремятся открыто обмениваться в сети собственными идеями и даже делиться личной информацией. Сегодня мы фактически уже вступили в период очередной революции – революции социальных данных¹.

Граждане боятся революции с точки зрения применения обязательного насилия и не желают быть втянутыми в новый круговорот радикализма. Но граждане с надеждой устремляют свой взор к вариантам ненасильственных и позитивных по форме, но революционных по сути преобразований с верой в то, что совместными усилиями удастся вернуть нравственные основания в политику и общественную жизнь.

Список литературы

- Бауман З. 2008. *Текущая современность*. СПб: Питер. 240 с.
- Волк В.В. 2016. *Революция в головах*. Ч. 1-3. 26.11.2016. Доступ: <http://rusrand.ru/ideas/revolyuciya-v-golovah-chast-3> (проверено 20.01.2017).
- Керенский А.Ф. 2005. *Русская революция. 1917*. М.: Центрполиграф. 384 с.
- Кошен О. 2004. *Малый народ и революция*. М.: Айрис-пресс. 288 с.
- Токвиль А. 2017. *Старый порядок и революция*. М.: Социум. 371 с.
- Фромм Э. 2005. *Революция надежды. Избавление от иллюзий*. М.: Айрис-пресс. 352 с.
- Хэмел Г. 2000. *Во главе революции*. СПб: Бест Бизнес Букс. 365 с.
- Эйзенштадт Ш. 1999. *Революция и преобразование общества. Сравнительное изучение цивилизаций*. М.: Аспект-пресс. 416 с.

CHERNYSHOV Alexei Gennadievich, Dr.Sci.(Pol.Sci.), Professor of the Chair of State and Municipal Management, Financial University under the Government of the Russian Federation (49 Leningradskiy Ave, Moscow, Russia, 125993; ag555@mail.ru)

REVOLUTION AND THE STATE IN THE 21ST CENTURY: THE STRUGGLE FOR MORAL IMPERATIVE IN POLITICS AND PUBLIC LIFE

Abstract. The stormy and controversial social and political practice of the 21st century reveals the fact that politicians, scientists and citizens search most actively for the answer to the questions what are modern revolutions, what are their origins, how they differ from the revolutionary practices of the past, what can they cause? It is important to assess essential features and models of revolutions of the 21st century in order to use the revolutionary potential for autopurification and evolutionary change, while avoiding the damaging effects of the social elements and slipping the society into chaos.

Keywords: revolution of the 21st century, morality, information society, social networking, expert global civil forum, monopoly on truth, fake consciousness

¹ Вейгенд А. 2016. Революция XXI века – *Известия*. 09.11.2016. Доступ: <http://izvestia.ru/news/643563#ixzz4RwIaMX2q> (проверено 20.01.2017).